

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

На ежегодно съ 1878 года повторявшихся обѣдахъ товарищей александровцевъ, видно было, въ какой степени они къ своему бывшему начальнику училища Б. А. Шванебаху сохранили чувства любви и уваженія. Неизмѣнно участвуя въ тѣхъ обѣдахъ, онъ какъ бы занималъ на нихъ предсѣдательское мѣсто, сначала, казалось, по чину генерала среди штабъ и оберъ-офицеровъ, впоследствии вообще по званію старѣйшаго среди бывшихъ его юнкеровъ, изъ которыхъ многіе оказались генералами, — частью просто дошедшими до этого ранга, а частью и поднявшимися на очень высокую ступень военной іерархіи.

Всѣ собиравшіеся на обѣды понимали, чувствовали и признавали, что на тѣхъ обѣдахъ Борисъ Антоновичъ получалъ первенство не за чиновное его старшинство; онъ получалъ его, какъ бывший начальникъ, оставившій въ каждомъ изъ насъ за время нашей юности, на-ряду съ воспоминаніями о себѣ вообще, — массу пріобрѣтеннаго имъ уваженія къ себѣ, какъ къ человѣку. Кромѣ того на самыхъ обѣдахъ, при встрѣчахъ со своими бывшими подчиненными, онъ это пріобрѣтенное издавна къ себѣ расположеніе болѣе и болѣе закрѣплялъ своимъ простымъ, ровнымъ, предупредительнымъ, одинаково-внимательнымъ къ каждому изъ насъ отношеніемъ, какъ бывший начальникъ, который, и въ качествѣ такового прежде, никогда не являлся ни въ своемъ обращеніи вообще, ни въ своей служебной требовательности суровымъ, сухимъ или бездушнымъ; онъ всегда умѣлъ для насъ соединить крайнюю серьезность съ отеческимъ отношеніемъ; это мы, бывшіе шванебаховскіе юнкера, цѣнили и на

всегда сохранили какъ въ памяти своей, такъ и въ своихъ сердцахъ.

Всѣмъ было извѣстно, что александровцы обычно проявляли массу нетерпѣнія, ожидая приближенія избраннаго ими дня обѣда;—сначала,—тотчасъ послѣ войны, этимъ днемъ была назначена въ году вербная суббота, а потомъ какія-то обстоятельства вызвали перенесеніе его на субботу второй недѣли великаго поста. Съ особымъ удовольствіемъ шли они соединиться вокругъ Бориса Антоновича для общей возлѣ него товарищеской бесѣды, для воспоминаній о проведенныхъ въ стѣнахъ дорогаго оригинальнаго, укрѣпленнаго контръ-форсами зданія на Знаменкѣ, въ древней бѣлокаменной столицѣ, дняхъ юнкерской жизни и обо всемъ, что было подъ вліяніемъ той жизни перенесено оттуда въ дальнѣйшую жизнь офицерскую.

* * *

Пять лѣтъ тому назадъ ¹⁾ на страницахъ „Русской Старины“ были вкратцѣ напечатаны воспоминанія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и изъ-за какихъ собственно ближайшихъ причинъ, Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшился совершить коренное преобразование любимаго дѣтища своего—кадетскихъ корпусовъ и, главнымъ образомъ, выдѣливъ изъ нихъ спеціальныя классы, соединить ихъ въ военныя училища. Тогда было упомянуто, что Государь долго не соглашался на это и что окончательно подвинули Его Величество дать свое согласіе на это происходившія въ тѣ времена, чуть ли не по очереди въ каждомъ изъ корпусовъ, неурядицы и шумныя безпорядки, которые, имѣя подобіе хронически повторявшихся бунтовъ, бунтами назывались.

Къ наступленію 1863 года была закончена по этой части почти вся работа въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и въ военномъ министерствѣ вообще; уже стало извѣстно всѣмъ, что лѣтомъ предстояло открытіе училищъ; кадеты то въ томъ, то въ другомъ корпусѣ продолжали проявлять послѣднія вспышки бунтовъ,—небольшихъ, но напоминавшихъ о необходимости скорѣе покончить съ существованіемъ этихъ военно-учебныхъ заведеній въ томъ видѣ, такъ какъ онъ представлялся отжившимъ свой вѣкъ.

Одинъ изъ послѣднихъ бунтовъ, происшедшій въ рожде-

¹⁾ См. статью „Мих. Ив. Драгомировъ и военно-учебныя заведенія“ „Русск. Ст.“ № 4, 1908 г.

ство 1862 г., - бунтъ 1-го Московскаго корпуса особенно огорчилъ Государя; въ большой степени причиной этого особаго огорченія явилось то, что жертвой бунта сдѣлался директоръ того корпуса, Всеволодъ Николаевичъ Лермонтовъ, до назначенія директоромъ (1855) состоявшій въ должности командира славнаго лейбъ Бородинскаго полка, котораго шефомъ въ то время пребывалъ Государь Александръ Николаевичъ, будучи цесаревичемъ и съ воспоминаніями о которомъ у Государя было многое связано, какъ Его Величество самъ не разъ выражался, въ высокой мѣрѣ дорогого и многозначительнаго.

Съ новаго года до конца января въ корпусѣ производилъ строжайшее о бунтѣ разслѣдованіе, присланный лично Государемъ, генералъ-лейтенантъ В. П. Желтухинъ ¹⁾, сдавшій въ 1855 году должность директора того самаго 1-го корпуса В. Н. Лермонтову. Скрѣпя свое любвеобильное сердце, Государь послѣ разслѣдованія согласился смѣстить директора 1-го Московскаго корпуса Лермонтова, т.-е. исполнить то, что вытекало изъ разслѣдованія, произведеннаго В. П. Желтухинымъ,—этимъ рыцаремъ, который былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо извѣстенъ Государю.

* * *

Въ началѣ лѣта того года стало извѣстно, что вскорѣ Москву носѣтитъ Государь Императоръ. Съ середины іюня три Московскіе корпуса,—1, 2 и Александринскій сиротскій, собрались по обыкновенію, но уже въ послѣдній разъ, въ свой ла-

¹⁾ Сынъ знаменитаго генерала Петра Федоровича Желтухина, принимавшаго видное участіе во всѣхъ бояхъ начала прошлаго столѣтія: до 1812 года, въ теченіе того года, а также послѣ него—до взятія Парижа включительно,—и наиболѣе отличившагося при Лейпцигѣ и при Бородинѣ. П. Ф. Желтухинъ вскорѣ послѣ турецкой войны 1828—29 годовъ умеръ въ должности начальника русскаго управленія въ Молдавіи и Валахіи. Въ исторіи этихъ княжествъ, нынѣ составляющихъ, укрѣпившееся россійскою помощію, королевство Румынское,—сохраняются большія воспоминанія объ этомъ предсѣдателѣ Молдовалахскаго русскаго дивана,—онъ проявилъ массу энергіи и приложилъ особое стараніе къ тому, чтобы укрѣпить въ этихъ княжествахъ развитіе одновременно и арміи и сельскохозяйственной жизни поселянъ. Еще даже въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ имя этого славнаго русскаго, боевого генерала было слышно въ предѣлахъ Румыніи и съ почетомъ вспоминалось не только у молдовалахскихъ бояръ, но и среди царанъ, т.-е. сельскаго населенія, а въ особенности среди очень близкихъ этому населенію пришлыхъ грековъ, занявшихся, крайне удачно и съ большой пользой для населенія, благодаря вліянію П. Ф., посессионнымъ дѣломъ въ странѣ и твердо его въ ней установившимъ.

герный сборъ подъ историческимъ селомъ Коломенскимъ; Государь прѣхалъ въ срединѣ августа и тотчасъ же назначилъ день для посѣщенія кадетскаго лагеря и для производства въ немъ смотра; жутко казалось 1-му Московскому корпусу представиться на глаза Царю, всегда неизмѣнно отличавшему своею высокою милостью этотъ корпусъ.

Верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, на которомъ, съ начала царствованія Императора Николая Павловича, былъ раскинутъ кадетскій лагерь, находилось обширное поле, называвшееся „Савкинымъ“ и служившее для маневрированія кадетскихъ батальоновъ. Много лѣтъ передъ тѣмъ, какъ гласило темное преданіе, въ глубокихъ оврагахъ, обрамлявшихъ это поле, и въ окаймлявшихъ тѣ овраги лѣсахъ, ютился атаманъ, со своей шайкой разбойниковъ, Савка, не дававшій покоя окрестному населенію и изведшій у себя въ неволѣ въ глубинѣ „Савкиныхъ“ овраговъ немало жителей, которыхъ онъ уводилъ, а затѣмъ подземными ходами препровождалъ изувѣченныхъ, измученныхъ и связанныхъ въ невѣдомые края.—Такъ отцы, матери семействъ, дочери, сыновья—и взрослые и малые, пропадали безъ вѣсти; никто не могъ ничего сдѣлать; людей то забирали въ отщепеніе за какую-либо малость, то уводили въ видѣ залога съ цѣлью полученія большой денежной дани; жизнь изъ-за этого Савки была тяжелая; измученное окрестное населеніе долго не могло забыть его; среди деревенскихъ ребятъ еще въ наше время ходили страшные сказочные рассказы объ этомъ извергѣ атаманѣ; на ночь дѣти избѣгали повторенія этихъ сказокъ и—страшились выслушивать ихъ.

Въ теченіе всего лѣта 1863 года кадеты подъ командой и подъ наблюденіемъ начальника лагернаго сбора, директора 2-го Московскаго корпуса генераль-маіора Александра Васильевича Фрейганга ¹⁾ старательно обучались фронту на обширныхъ плацахъ, имѣвшихся передъ лагеремъ каждаго корпуса, а въ прекрасный, прохладный, солнечный день 17-го августа, собрался на Савкиномъ полѣ трехбаталіонный кадетскій отрядъ и выстроился для того, чтобы имѣть счастье представиться Царю

¹⁾ Генераль А. В. Френгангъ славился, какъ боевой кавказецъ; онъ много отличился въ бояхъ и стычкахъ и былъ въ нихъ не разъ раненъ. получивъ въ 1862 году должность директора 2 Московскаго кадетскаго корпуса, онъ въ 1864 году былъ переведенъ на постъ петергофскаго коменданта и занимая эту должность много лѣтъ, былъ хорошо извѣстенъ всему военному міру.

на смотру, какъ уже стало извѣстно, послѣдній разъ въ кадетскомъ званіи передъ переходомъ на юнкерское положеніе.

* * *

Пасмурнымъ взоромъ оглянулъ Государь кадетъ, подъѣзжая въ сопровожденіи небольшой свиты къ правому флангу отряда и здороваясь съ 1-мъ корпусомъ.— Не къ такому взгляду безконечно добраго Царя привыкли кадеты; чувствовали они, что заслужили гнѣвъ царскій; каялись, да было поздно, что судьба послала.

Обычно, довольный кадетами и ихъ поведеніемъ, Государь присутствуя на смотрахъ, благодарилъ на каждомъ шагу за строй;— бывало, въ теченіе всего времени смотра, поминутно въ кадетскихъ рядахъ раздавались шумные, восторженные отвѣты на Царскую похвалу; но въ тотъ памятный годъ, противъ обыкновенія, Его Величество, внимательно осмотрѣвъ стойку, ружейные приемы, повороты на мѣстѣ и въ движеніи, а затѣмъ разсыпной строй и даже церемоніальный маршъ, ни разу не удостоилъ насъ своимъ одобреніемъ; кадеты изъ силъ выбивались заслужить Монаршую благодарность, но Государь, продвигаясь по фронту, смотрѣлъ и лишь, отъ времени до времени, произносилъ то ту, то другую команду, подсказывая еѣ генералу Фрейгангу или отдавая тѣмъ приказанія сопровождавшимъ его верхомъ штабъ-трубачамъ, которыхъ въ тѣ времена вообще, а особенно въ кадетской средѣ, называли тѣлохранителями. Только тогда, когда отрядъ, послѣ церемоніальнаго марша, по царскому же указанію собрался въ общую колонну, Государь, обратившись къ генер. Фрейгангу и другимъ находившимся возлѣ него генераломъ, сказалъ:— „а славно учатся, превосходно и, возвысивъ голосъ, обрадовалъ юношей возгласомъ:

— Славно, господа, молодецки учитесь, благодарю васъ.

Затѣмъ, когда Его Величество громко скомандовалъ: съ поля! насъ повели по берегамъ Савкиныхъ овраговъ домой; хоръ музыкантовъ 1-го корпуса заигралъ торжественный маршъ изъ жизни за Царя.

— Пѣсельники поютъ? спросилъ Государь ген. Фрейганга; вызови ихъ во всѣхъ трехъ баталіонахъ.

Давъ пройти мимо себя всѣмъ частямъ отряда, Государь крупною рысью обогналъ ихъ и, дойдя до передовой части— хора пѣсельниковъ 1-го корпуса, поѣхалъ рядомъ съ нимъ.— Молодые звонкіе голоса въ это время доканчивали слова куп-

летовъ начатой ими пѣсни, сложившейся у нихъ нѣсколько своеобразно.—Государь очень внимательно вслушивался:

Пробили зорю барабаны
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ неожиданный
На батарею прилетѣлъ.

Въ дыму огонь блѣствѣлъ,
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ вражьихъ тѣлъ.

Живые съ мертвыми сравнялись
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.

Вдругъ батареи замолчали,
Вновь барабаны застучали,
Противникъ быстро отступилъ...

— Прекрасно они у тебя поютъ, обратился Государь къ директору 1-го корпуса генераль-маіору Ив. Викент. Жданъ-Пушкину; хорошо изъ Лермонтовскаго произведенія пропѣли; немного перемѣшали слова, но этимъ славный Бородинскій стихъ у нихъ нисколько не испортился.

— А кстати, гдѣ бѣдный Лермонтовъ, куда онъ уѣхалъ послѣ несчастья, которое подъ нимъ стряслось? На докладъ Жданъ-Пушкина о томъ, что бывший директоръ проживаетъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, Государь сказалъ:

— Я знаю его домъ; на Арбатской улицѣ?

— Такъ точно, Ваше Величество, отвѣтилъ Жданъ-Пушкинъ.

— Жаль мнѣ его, очень жаль.

Всеобщ. Ник. Лермонтовъ по своей женѣ находился въ довольно близкомъ родствѣ съ покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, который очень долго состоялъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наследнику цесаревичу Александру Николаевичу лицъ; поэтому не было ничего мудренаго въ томъ, что Государь могъ вспомнить, гдѣ въ Москвѣ находился домъ, принадлежавшій родственнику этого его сотрудника,—оставившаго по себѣ громадную память своими выходившими изъ ряда заслугами.

* * *

Повернувъ своего коня, Государь проѣхалъ прямо на двухъ полковниковъ, пѣшкомъ, нѣсколько поодаль отъ Дм. Алекс. Милютина, сопровождавшихъ строй, полковниковъ—сапернаго и шедшаго рядомъ съ нимъ артиллерійскаго. Мы, кадеты, до той минуты не замѣчали этихъ штабъ-офицеровъ.

— Ну вотъ, ты видишь кадетъ, которымъ предстоитъ начать на дняхъ службу подъ твоимъ начальствомъ, вотъ твои будущіе юнкера, сказалъ Государь краснощекому саперному полковнику; да, вамъ обоимъ предстоитъ начать работу надъ этимъ матеріаломъ, — скажу прямо, сырымъ, но хорошимъ; первый Московскій корпусъ всегда былъ славнымъ заведеніемъ, рекомендую его вамъ, хотя въ послѣднее время онъ сильно отличился далеко не въ свою пользу; жаль мнѣ и ректора и всегда прежде отмѣнно радовавшихъ меня своимъ поведеніемъ кадетъ; Лермонтова я отъ души люблю и всегда его цѣнилъ.

— Пойте, господа, продолжайте ваши пѣсни, сказалъ Государь, повернувшись въ сторону пѣсельниковъ;—они дружно и громко затянули извѣстную, старую солдатскую пѣсню,—„поле чистое турецкое, мы когда жъ тебя, поле, пройдемъ“!..

Государь снова заговорилъ съ сапернымъ полковникомъ и оживленно проговорилъ съ нимъ во время всего пути до прихода въ лагерное расположеніе 1-го корпуса.—Послѣ того, что Государь присутствовалъ при роспускѣ батальона и при относѣ знамени, мы черезъ нѣсколько минутъ, сбросивъ съ себя аммуницію и наскоро смахнувши пыль, заняли мѣста подъ навѣсами лагерныхъ столовыхъ у накрытыхъ для обѣда столовъ.—Государь, прослушавъ спѣтую нами молитву, обошелъ столы, попробовалъ кадетскую пищу и отбылъ въ лагерь 2-го Московскаго корпуса,—затѣмъ проѣхалъ въ Александрійскій сиротскій корпусъ, а оттуда въ Кремль.

Во время обѣда намъ стало извѣстно, что отправившіеся вслѣдъ за Государемъ два штабъ-офицера, которымъ, по словамъ Его Величества, предстояло сдѣлаться нашими начальниками, были полковники Борисъ Антоновичъ Шванебахъ и Сергѣй Александровичъ Слуцкій; изъ нихъ первый былъ назначенъ на должность начальника Александровскаго военнаго училища, а второй былъ избранъ на постъ инспектора классовъ того же училища, приготовлявшагося пріютить насъ въ своихъ стѣнахъ на Знаменкѣ...

* * *

Эти, сразу показавшіеся намъ таинственными, штабъ-офицеры, намѣченные къ тому, чтобы стать нашими начальниками, исчезли за Государемъ; мы ихъ больше не видѣли до тѣхъ поръ, пока, вслѣдъ затѣмъ, они приняли насъ подъ свое крыло и очень скоро стали близкими намъ людьми.—Ходилъ тогда очень характерный слухъ о томъ, будто-бы Государь сильно не доволенъ остался указаніемъ Жданъ-Пушкина на то, что предмѣстникъ его, ген.-м. Лермонтовъ, переѣхалъ на жительство въ свой домъ. Ив. Викентьевича Жданъ-Пушкина всѣ очень цѣнили за его умъ и за постоянное стремленіе съ каждымъ подѣлиться своими по истинѣ обширными знаніями; это, между прочимъ, выражалось поспѣшностью, съ которою онъ всегда въ каждомъ классѣ замѣщаль манкировавшаго преподавателя и, несмотря на свое относительно высокое положеніе, старался возможно полнѣе того преподавателя замѣнить, а воспитанникамъ трудъ приготовленія урока облегчить; въ этомъ была его серьезная отличительная черта. Новсѣ осуждали, правильно или неправильно приписывавшуюся ему другую черту,—ядовитость, съ которою онъ всегда, какъ казалось, радъ былъ кого угодно оговорить, заподозрить и осудить.

В. А. Шванебаху случалось встрѣчать Жданъ-Пушкина въ молодости; служилъ онъ въ артиллеріи и въ 1-й Моск. корпусъ былъ переведенъ инспекторомъ классовъ незадолго до Лермонтовской исторіи изъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ послѣднія нѣсколько лѣтъ занималъ должность инспектора же; исповѣдывалъ онъ римско-католическое вѣроисповѣданіе и поэтому вообще, а въ то время особенно, вѣроятно, переносилъ много несправедливаго по отношенію къ себѣ, такъ какъ время польскаго возстанія создавало немало всевозможныхъ осложненій для находившихся на службѣ лицъ польскаго происхожденія, при чемъ достаточно было принадлежать къ католической вѣрѣ для того, чтобы нести всѣ тѣ непріятности, на которыя были обречены сплошь почти всѣ поголовно поляки.

По поводу отвѣта, даннаго Жданъ-Пушкинымъ Государю о мѣстѣ пребыванія Лермонтова, у большинства родилась мысль, безъ сомнѣнія, несправедливая и во всякомъ случаѣ малоосновательная о томъ, будто-бы онъ хотѣлъ съ одной стороны укорить своего предмѣстника въ приобрѣтеніи на службѣ денежныхъ средствъ, а съ другой и ознакомить Государя со свѣдѣніемъ о томъ, что на пребываніе въ бѣдности этотъ предмѣст-

никъ не обреченъ.—Такъ или иначе, произнесенное особымъ тономъ, донесеніе Жданъ-Пушкина произвело на всѣхъ очень не-пріятное впечатлѣніе и трудно было разувѣрить тѣхъ, кому пришло на умъ при этомъ его заподозрить.

Б. А. Шванебахъ рѣдко вообще и мало осуждалъ людей объ Жданъ-Пушкинѣ, имѣя или не имѣя въ мысляхъ намѣреніе заподозрить его, онъ и тогда и впоследствии говорилъ только: „какъ жаль, что онъ, прослуживши много лѣтъ въ Сибири, такъ мало тамъ обрусѣлъ“.

Увѣряли, будто и Государю заявленіе преемника о предмѣстникѣ не понравилось именно съ этой стороны, но большинство старалось благоразумно отрицать такое предположеніе и со всѣхъ сторонъ давало ему значеніе совершенно вздорнаго измышленія.—Отецъ его, какъ говорили, былъ въ 1831 году убитъ въ Варшавѣ въ числѣ честныхъ поляковъ, оставшихся вѣрными своему законному Государю. Вскорѣ стало извѣстно, что, по пріѣздѣ въ столицу, Государь послалъ Лермонтову, какъ тогда говорили, „привѣтствіе“ и препроводилъ на его имя пакетъ съ восемью тысячами рублей въ видѣ пособія ему и его семьѣ, состоявшей изъ жены и трехъ взрослыхъ дочерей.—Впоследствии, Б. А. Шванебахъ, нерѣдко рассказывая о Государѣ и объ его нескончаемыхъ милостяхъ, упоминалъ о томъ, что В. Н. Лермонтовъ ежегодно ко дню годовщины Государевой коронаціи, — къ 26-му августа, удостоивался полученія отъ царя такой же высокомиловливой поддержки.

* * *

27-го августа 1863 года кадеты 1-го Московскаго корпуса въ ходившихъ тогда на тройкахъ по Покровкѣ, старинныхъ особаго, крайне характернаго фасона, линейкахъ доставили на Знаменку въ ставшее домомъ Александровскаго военнаго училища зданіе Александрійскаго сиротскаго кадетскаго корпуса. Тамъ оказались уже пребывавшіе въ зданіи кадеты этого корпуса, привезенные за два часа до насъ кадеты 2-го Моск. корпуса, а также, доставленные дня за три передъ тѣмъ, кадеты провинціальныхъ корпусовъ—Воронежскаго и Орловскаго.—Всего насъ собралось на четыре роты по 75 чел.—300 юнкеровъ.

Б. А. Шванебахъ съ веселымъ лицомъ бодро ходилъ среди собиравшихся въ большихъ залахъ и въ просторныхъ коридорахъ кадетскихъ группъ; преобразовавшіеся въ юнкеровъ кадеты, не коса на него поглядывая, мало-по-малу знакомились между собой; раскланиваясь съ каждымъ изъ насъ, онъ нѣкоторыхъ

спрашивалъ фамиліи, старался быть ласковымъ и, видимо, давалъ себѣ трудъ ободрять новыхъ своихъ знакомыхъ—подчиненныхъ, вступившихъ въ тотъ день „на дѣйствительную службу“.

Получившій начало съ того дня, послужной списокъ каждаго изъ насъ, начинался словами: „въ службу вступилъ юнкеромъ въ 3-е военное Александровское училище 27-го августа 1863 года“; и вотъ намъ всѣмъ, тогда собравшимся юнцамъ, минуло въ только-что истекшемъ 1918 году пятидесятилѣтіе всей дѣйствительной службы.

* * *

Въ первые дни нашего пребыванія въ училищѣ, кромѣ Б. А. Шванебаха, начальства почти никакого еще не было: цѣлые дни мы видѣли начальника училища; дежурныхъ по ротамъ не было назначался лишь одинъ общій дежурный по батальону изъ числа трехъ-четырехъ офицеровъ, оставшихся отъ состава сиротскаго корпуса; всѣ они уже знали о состоявшемся переводѣ ихъ въ другіе корпуса или просто объ отчисленіи; показались за тѣ дни по одному разу инспекторъ классовъ С. А. Слущкій и помощникъ его Пав. Ник. Юшеновъ—гвард. артиллеріи поручикъ, назначенный въ должность помощника изъ числа лицъ, преподававшихъ артиллерію въ корпусахъ сиротскомъ и 1-мъ Московскомъ.

— Вотъ какъ, я одинъ съ вами справляюсь, шутилъ Б. А., обходя въ теченіе дня по нѣскольکو разъ училище и отдавая различныя распоряженія служителямъ. — Впослѣдствіи, когда жизнь въ училищѣ установилась, войдя въ колею, онъ, неизмѣнно появляясь въ ротахъ, велъ бесѣду съ группами юнкеровъ; крайне поучительны были тѣ бесѣды; припоминалась намъ недоступность корпуснаго начальства, и мы съ особымъ удовольствіемъ въ новомъ положеніи просто, свободно, безъ всякаго стѣсненія входили въ собесѣдованіе съ самимъ начальникомъ училища; скоро положеніе стало такимъ, что менѣе всего мы стѣснялись разговаривать именно съ нимъ; видя это, прочее начальство—батальонный, ротные командиры, ротные офицеры, которые всѣ были назначены къ намъ изъ числа окончившихъ курсъ академіи, а также многіе изъ профессоровъ и преподавателей въ своихъ разговорахъ съ нами и въ своемъ обращеніи съ нами—хотя нижними чинами, старались принаравливать къ тому, какъ обращался и велъ себя Б. А.; выходило по простотѣ и свободѣ нѣчто вполне толковое, а между тѣмъ, по идеѣ выдѣ-

ленія кадетскихъ спеціальныхъ классовъ въ училищные батальоны съ зачисленіемъ насъ на дѣйствительную службу, первое мѣсто занимала забота объ укрѣпленіи среди насъ строгой дисциплины. Б. А. Шванебахъ много разъ давалъ намъ понимать, что именно въ этой, предоставлявшейся намъ, разумной свободѣ и простотѣ онъ видѣлъ обезпеченіе необходимой субординаціи.

Собесѣдованія, которыя онъ просто велъ съ нами въ дортуарахъ, залахъ, коридорахъ и въ классахъ, явились прототипомъ такихъ же бесѣдъ, продолжавшихся имъ и цѣпившихся нами впоследствии на товарищескихъ Александровскихъ обѣдахъ; на нихъ онъ, конечно, гораздо яснѣе и вполне развязно разъяснялъ намъ все то, что въ училищѣ приходилось ему лишь намекать или давать понять.

* * *

— Знаете ли вы, о чемъ Государь разговаривалъ со мной въ тотъ памятный день, когда ѣхалъ верхомъ рядомъ со мной, сопровождавшимъ пѣшкомъ возлѣ него пѣсельниковъ 1 Московскаго корпуса, — сказалъ Б. Шванебахъ однажды на товарищескомъ обѣдѣ въ татарскомъ ресторанѣ, въ одинъ изъ первыхъ годовъ послѣ турецкой 1877—1878 войны? При этомъ онъ постарался глазами, въ числѣ бесѣдовавшихъ съ нимъ, привлечь вниманіе бывшихъ воспитанниковъ.

— Вы помните, что Государь, бесѣдуя со мной, велѣлъ вамъ „продолжать ваши пѣсни“.

— Они могутъ подумать, что я ихъ юными голосами хочу заглушить свой голосъ, сказалъ Государь и ласково засмѣялся — вѣдь, въ сущности дѣти, особенно если судить по тому, что представилъ объ ихъ бунтѣ Владиміръ Петровичъ¹⁾. Корпусное начальство, которое теперь дослуживаетъ, доканчиваетъ свое дѣло въ рядахъ этого славнаго корпуса, понимало свое дѣло такъ, что и съ кадетами вкоренять дисциплину, а также воинское подчиненіе и чинопочитаніе, надо исключительно строгостью, суровостью. — Я хочу, чтобы и съ солдатами такая строгость была отодвигается на задній планъ, хочу, чтобы она пряталась за доброе слово; одинъ Лермонтовъ, понимавшій это еще во время командованія моимъ, нынѣ Лейбъ-Бородинскимъ полкомъ, ясно понималъ и здѣсь въ корпусѣ, но, къ сожалѣнію, не сумѣлъ привлечь къ этому окружавшихъ его офицеровъ-воспитателей, они шли съ нимъ въ разладъ и портили все то,

¹⁾ Государь всегда звалъ генерала Желтухина по имени и отчеству.

что онъ заводилъ; а твердости у него не достало; отъ этого онъ и пострадалъ; онъ виноватъ, виноваты и офицеры; ни его, ни ихъ я не виню или, вѣрнѣе сказать хотѣлъ бы ихъ винить въ полной мѣрѣ лишь за то, что они сдѣлали виновными кадетъ—дѣтей; вмѣсто того, чтобы слѣпо искать и карать въ нихъ отсутствіе дисциплины и повиновенія, они должны были найти и видѣть, что между ними нашелся одинъ, который, нисколько не думая объ ихъ участи, думалъ лишь о себѣ, эгоистично защищалъ свою личную, мелкую обиду и тѣмъ втянулъ въ бѣду ихъ всѣхъ, какъ куколъ, какъ пѣшекъ, ему этому кадету, Ашенбреннеру, меньше, чѣмъ кому-либо, можно было простить; онъ и понесъ большое наказаніе; я все-таки простилъ бы ему всякое его преступленіе, но онъ жестоко втянулъ массу въ защиту лишь своей персоны; тотъ, кто, въ какомъ бы то ни было бунтѣ или возмущеніи, оказывается виновнымъ въ томъ, что не защищаетъ общее дѣло, а думаетъ лишь о себѣ самомъ,— тотъ недостойнъ никакой пощады; этотъ кадетъ очень просто и легко напортилъ массѣ товарищей, а также крайне легкомысленно погубилъ директора, достойнаго человѣка и начальника, проявлявшаго не мало заботъ о немъ же и, быть можетъ, проявившаго съ своей стороны вину лишь разъ во всей этой исторіи, именно тогда, когда у него сжалось сердце передъ необходимостью строго взыскать съ этого провинившагося питомца и онъ пощадилъ его; а между тѣмъ у окружавшихъ его воспитателей не хватило сознанія необходимости снисхожденія и вотъ чѣмъ все окончилось. У Государя навернулись тогда слезы, добавилъ Б. А. Шванебахъ, рассказывая намъ объ этомъ эпизодѣ.—Я увѣренъ, добавилъ Государь, что ты меня понимаешь и у тебя, при томъ составѣ строевыхъ офицеровъ, которыхъ ты теперь получишь, ничего подобнаго не будетъ выходить.

Разсуждая дальше объ этой памятной исторіи, Б. А. Шванебахъ сказалъ: „Ашенбреннеръ дѣйствительно занялся тѣмъ, чтобы защищать себя и отомстить генералу Лермонтову лично за себя въ такую минуту, когда Лермонтовъ проявилъ по отношенію къ нему свою самую большую доброту, оказавшуюся для него пагубною—этотъ кадетъ нанесъ своему начальнику оскорбленіе дѣйствіемъ, а вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто того, чтобы смѣло, благородно выступить впередъ и отдать себя въ полное распоряженіе начальства, онъ сталъ подъ покровительство товарищей кадетъ, которые взяли его за свои баррикады, и устройствомъ таковыхъ погубили себя. Если бы генералъ Желтухинъ, какъ бывшій директоръ того же 1-го Московскаго корпуса, не

взялъ недомыслившихъ, въ полной мѣрѣ понятыхъ имъ птенцовъ, подъ свою защиту передъ мощною милостью царя и не опредѣлилъ бы вполне твердо, ясно вину эгоиста, облюбовавшего лишь себя,—не сдобровать бы имъ за такой бунтъ.

Трогательно было слышать, въ какихъ подробностяхъ Государь зналъ всю, въ сущности, мелкую, корпусно-кадетскую исторію, какую далъ ей оцѣнку и какъ отнесся къ участникамъ ея.

Б. А. Шванебахъ, вполне понимая, что не всякій разъ съ нимъ бесѣдуетъ на товарищескихъ обѣдахъ одни и тѣ же изъ бывшихъ его юнкеровъ, не разъ повторялъ эту исторію, добавляя къ ней и другіе не менѣе поучительные эпизоды; не одному изъ тѣхъ бывшихъ юнкеровъ случилось слышать такіе рассказы по два-три раза.

Перебирая въ настоящее время рядъ шванебаховскихъ рассказовъ, записанныхъ въ свое время съ его словъ, нельзя не вспомнить имена разныхъ собесѣдниковъ съ одинаковымъ чувствомъ и вниманіемъ слушавшихъ въ 1863—1864 году полковника Б. А. Шванебаха, и въ какомъ-нибудь изъ годовъ перваго десятилѣтія этого столѣтія инженеръ-генерала Б. А. Шванебаха, при чемъ собесѣдники тѣ пребывали то въ юнкерскомъ званіи, въ оберъ-офицерскомъ или въ генеральскомъ чинѣ.—Припоминаются въ составѣ ихъ участники обѣдовъ разныхъ годовъ изъ александровцевъ генералы: А. П. Скугаревскій и В. Г. Глазовъ—начальники штаба гв. корпуса, В. В. Сахаровъ, В. Г. Глазовъ—и Н. К. Шауфусъ—министры, Н. П. Михневичъ, П. Н. Вороновъ, А. Н. Селивановъ, Н. Я. Лопушанскій—начальники дивизіи или генералъ-губернаторы, П. О. Щербовъ-Нефедовичъ, А. А. фонъ-Вендрихъ, Н. П. Михневичъ—начальники главнаго управленія или главнаго штаба, тов. мин. В. Г. Глазовъ, Д. Г. Щербачевъ—нач. академіи ген. штаба, а также друг. Нѣкоторые изъ этихъ достоуважаемыхъ лицъ, благополучно здравствуя и теперь, быть можетъ, прочтутъ на страницахъ этихъ записокъ не одинъ рассказъ, слышанный ими въ свое время отъ незабвеннаго Бориса Антоновича Шванебаха, скончавшагося въ 1906 году восьмидесяти лѣтъ,—онъ унесъ съ собой ту громадную радость, которую испытывалъ каждый разъ, когда видѣлъ служебные и жизненные успѣхи своихъ питомцевъ-юнкеровъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).